

В. ВЕКШИН

Почему лорд Рассел не христианин?

Имя английского философа Бертрана Рассела хорошо известно советским людям. На склоне лет этот виднейший представитель современной идеалистической философии выступил против военной истерии, в защиту мира между народами. Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров Союза ССР товарищ Н. С. Хрущев обращался к лорду Расселу с письмами, в которых излагал основные принципы миролюбивой политики советского правительства, разоблачал клеветнические выпады империалистических кругов США. Переписка Н. С. Хрущева с Бертраном Расселом нашла широкий отклик в мировой печати.

И вот перед нами маленькая брошюра, воспроизводящая текст лекции Рассела, прочитанной некогда в Лондоне и озаглавленной «Почему я не христианин?». Действительно, почему он не христианин? Ведь ему, как говорится, сам бог велел. Британский лорд. Убежденный идеалист. Чем ему, собственно, мешала христианская религия?

Оказывается, мешала. И даже очень. С самых малых лет.

Отец Рассела, человек образованный и свободомыслящий, завещал воспитать сына в нерелигиозном духе. Суд признал завещание недействительным. С трехлетнего возраста мальчика донимали верующие, оскорблявшие память его покойного отца. Вряд ли это способствовало воспитанию Рассела в христианском духе. Он рос с чувством глубокой антипатии к церкви — и сохранил эту антипатию и поныне, прожив долгую жизнь (он родился 18 мая 1872 г.), завоевав мировую известность как ученый и общественный деятель.

Но буржуа не простили и не прощают ему неверия. Ему не дали выставить свою кандидатуру в парламент. Не давали преподавать.

Американские реакционеры еще в 1941 г. именовали Рассела «человеком с отравленным пером», «коммунистическим агентом», «обезьяной». Чем же согрешил лорд Рассел перед своими собрать-

ями по классу? Быть может, он порвал с буржуазией? Сблизился с марксизмом? Нет, убеленный сединами старец похож на «коммунистического агента» еще меньше, чем на обезьяну... Бертран Рассел от коммунизма далек и марксизму враждебен. Он неоднократно заявлял об этом в печати.

Но Рассел против войны.

Рассел неверующий.

И, в придачу ко всему, это поистине «человек с отравленным пером». Он одаренный сатирик. В маленькой книжке «Почему я не христианин?» Рассел ядовито критикует христианскую религию, и читатель не может не оценить литературного таланта автора.

Так почему же лорда Рассела не устраивает христианская религия? Почему он не христианин? Потому что конфликт Рассела с религиозными кругами давно перерос «семейные» рамки, перерос в конфликт мыслящего человека с тупой «техникой лжи».

«Часто нас уверяют, что нападать на религию весьма пагубно, ибо религия делает людей добродетельными. Уверяли в этом и меня; но я что-то не примечал, чтобы дело происходило именно так».

И действительно, продолжает Рассел, каждая крупница прогресса в человеческих отношениях, каждый шаг, направленный на то, чтобы в мире было меньше войн, каждый шаг, сделанный с целью улучшить отношение к «цветным расам», любое смягчение рабства — все это встречало противодействие церкви. Страх лежит в основе веры, страх перед таинственным, страх перед неудачей, страх перед смертью. «А так как страх является прародителем жестокости, то не удивительно, что жестокость и религия шагали об руку. Потому что основа у них одна и та же — страх».

Говорят, что Христос был выдающимся мудрецом, человеком высоких нравственных качеств. Предположим, что это так, хотя «исторически вообще сомнительно, существовал ли когда-либо Христос; если же существовал, то мы о нем ничего не знаем». Но будем говорить о той личности, в которую христиане верят, о герое евангелий. «Змеи, порождения ехидны! Как убежите вы от осуждения в геенну?» — обращается он к людям, которые не пришли в восторг от его проповедей. «Это никак нельзя, по-моему, признать наилучшим тоном», — иронически замечает Рассел. Он дает безупречную подборку канонических текстов об «адских муках», и для читателя становится совершенно очевидным, что Христос «предвещает плач и скрежет зубовой не без некоторого удовольствия, иначе он не заводил бы об этом разговор так часто».

Что верно, то верно. Читатель полностью соглашается с Бертраном Расселом, который утверждает, что евангелия причинили миру неисчислимые страдания, и говорит: «я, отнюдь, действительно

не думаю, чтобы человек, по своей природе наделенный в какой-то мере добротой, стал сеять такой страх и ужасы в нашем мире».

Неизвестно, существовал ли Христос, да и существует ли бог, его отец? Христиане думают, что существует, но какими доводами они это доказывают?

Они утверждают, что, если бы не было бога, — не было бы ни добра, ни зла. Из этого с неизбежностью следует и другое утверждение, что бог добр. Рассел посоветовал своим слушателям присмотреться повнимательнее к окружающей их действительности: тогда «вы можете принять воззрение... часто представлявшееся мне весьма убедительным, — что на самом деле известный нам мир был сотворен дьяволом в тот момент, когда бог спал. В пользу этого воззрения можно привести немало доводов, и не мое дело их опровергать», — с мрачным юмором добавил он.

«Позвольте, — может возразить христианин. — О чем вы говорите? О том, что мир дьявольски несправедлив? Что праведные люди страдают, а порочные преуспевают, и не знаешь, по поводу чего больше сокрушаться? Но это и доказывает бытие бога: он устроил рай и ад, где преуспевающих здесь подлецов накажут, а честных людей — вознаградят.

Если на этом свете царит несправедливость, то обязательно должен существовать тот свет, где царит справедливость».

Это весьма любопытный довод. Если вам дадут корзину апельсинов, где все верхние апельсины сгнили, навряд ли вы скажете: «значит, внизу апельсины должны быть хорошими, чтобы восстановить справедливое равновесие». Нет, скорее всего, вам придет в голову, что все апельсины в этой корзине, наверное, никуда не годятся. Так и научно мыслящий человек считает, что если в этом мире много несправедливостей, то это говорит против существования рая и ада, против существования бога. Зачем бы ему устраивать рай и ад? У него хватило бы сил навести порядок на этом свете.

С особым мастерством разоблачает Рассел весьма популярный у христианских богословов аргумент целесообразности. Этот довод в пользу существования бога сводится к следующему: все в мире устроено так, чтобы мы могли в нем жить, а если бы мир был устроен хоть немного иначе, то мы не смогли бы в нем жить. Ясно, что только бог в состоянии был все так хорошо, так целесообразно устроить.

«Когда начинаешь вдумываться в аргумент целесообразности, — отвечает на это Рассел, — то просто диву даешься, как люди могут поверить, будто наш мир со всеми вещами, в нем находящимися, со всеми его изъянами, является лучшим, что смогло только создать всемогущество и всеведение на протяжении миллионов лет. Я действительно не могу поверить этому. Неужели вы думаете, что

если бы вас наделили всемогуществом и всеведением, да еще дали бы в придачу миллионы лет, чтобы совершенствовать созданный вами мир, то вы бы не смогли создать ничего лучшего, чем ку-клукс-клан, фашисты или мистер Уинстон Черчилль?»

Другой популярный у христиан довод в пользу существования бога — аргумент первопричины: все в мире имеет свои причины; должна же быть причина того, что весь мир существует? Видимо, эта причина — бог. Он сотворил мир.

Хорошо, а кто же сотворил бога? Если все имеет причину, то у бога она тоже должна быть? На этот простой вопрос, как правильно подчеркивает Рассел, ни один христианин не давал и никогда не даст ответа.

Надо, впрочем, заметить, что и аргумент первопричины, и аргумент естественного закона проанализированы Расселом недостаточно глубоко — местами его утверждения весьма и весьма неубедительны. Тут сказалась идеалистическая основа его мировоззрения.

Когда Рассел говорит, что «само понятие причины стало далеко не таким, каким оно было в прошлом», — мы могли бы с ним согласиться, имея в виду, что марксистская трактовка причинности ушла далеко вперед от метафизического ее понимания, особенно распространенного в XVIII в. Но Рассел отнюдь не предполагает укрепления и расширения понятия «причинная зависимость», говоря об изменении понятия причины.

Оказывается, «понятие причины подвергалось атакам философов и людей науки и ныне уже не обладает той жизненностью, какой оно отличалось в прошлом». Положим, понятие причины «подверглось атакам философов» по меньшей мере лет двести тому назад, а то и больше. Атаки эти не прекращаются и по сию пору, но успех их Рассел явно преувеличил, если его можно преувеличить. Дело в том, что успех атак на причинную зависимость равен нулю, а на сколько бы нуль ни умножали, ничего, кроме нуля, не получится. Рассел — видный математик, уж ему это должно быть хорошо известно. Но пусть он возражает против принципа причинной зависимости и заменяет его «постулатом причинных линий», хотя непонятно, что последний дает науке. Странно другое. Странно, что «ослабление» причинной зависимости Рассел выдает за научное завоевание, способствующее борьбе с религией. Между тем ясно, что, ограничивая сферу действия причинных законов, ученый тем самым ограничивает сферу познаваемости материального мира и уступает какое-то место вере. Идеалистические нападки на причинность в скрытой форме способствуют распространению религиозных предрассудков. Рассел закрывает на это глаза. Больше того, он пытается выдать черное за белое.

К идеалистическим ошибкам Рассела в оценке принципа причинности примыкает и его анализ объективной закономерности, господствующей в окружающем нас мире, — анализ поверхностный, краткий и во многом просто неправильный. «Ныне мы обнаруживаем, — полагает Рассел, — что очень многое из того, что мы считали естественными законами, на самом деле оказывается человеческими условностями». Это положение в лекции Рассела никак не обосновано или обосновано очень слабо. Он ссылается на статистический характер многих природных закономерностей. Но необходимость — и в природе и в обществе — пробивает себе дорогу через массу случайностей. Для того, чтобы абсолютизировать случайность, современная наука никаких оснований не дает. Но совсем уже непонятно, как статистический характер действия того или иного природного закона можно толковать в агностическом и одновременно — атеистическом — духе. У Рассела это не выходит, да и ни у кого не могло бы выйти.

«Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм», — писал В. И. Ленин*. Рассуждения Рассела об «аргументе естественного закона» как нельзя лучше показывают, что от последовательного материализма английский философ далек.

И это обесценивает многое в его интересной лекции. В сущности, она должна была бы называться «почему я не верующий», — ведь Рассел критикует в ней не только христианскую религию, он отрицает и бытие бога. И все-таки чувствуется, что убедительно объяснить, почему он не христианин, Рассел смог, а вот почему он неверующий... Это ему удалось в меньшей мере, и неудивительно. Хоть раз ему и случалось обмолвиться, что материалисты правы в борьбе против объективного идеализма, Рассел продолжает придерживаться субъективно-идеалистических взглядов. Он предусмотрительно не называет себя атеистом. В этом есть что-то от знаменитой дилеммы Паскаля: «взвесим, стоит ли идти на спор о том, есть ли бог. Что можно выиграть и что потерять? (говоря, что бог есть. — В. В.). Если бог есть — вы выигрываете все, если его нет — ничего не теряете». Рассел как будто бы пошел на спор. Христианского бога нет, — говорит он. Говорит и доказывает — очень убедительно. Ну, а не христианского бога? бога вообще, высшей, сверхъестественной силы? Как будто бы нет и его... Это «как будто бы» проглядывает на некоторых страницах. И кажется, что Рассел — субъективный идеалист спорит на этих страницах с Расселом-атеистом.

* Ленин В. И. Сочинения. Т. 14 М., 1960. С. 142.